

Сибирский архив

Выпуск 2

Иркутск 2000

АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
АДМИНИСТРАЦИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ
ЦЕНТР ДОКУМЕНТАЦИИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ
ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

СИБИРСКИЙ АРХИВ:

Архивные документы
Публикации
Факты
Комментарии

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 2

Иркутск 2000

ББК Ч 814(2 Рос 5)
УДК 351.852.12(571.1/5)(082)

Сибирский архив: Архивные документы, публикации, факты, комментарии: Научно-популярный историко-краеведческий сборник / Под ред. Н.К.Шестаковой. Иркутск: Оттиск, 2000. Выпуск 2. 132 с.

Во втором выпуске сборника «Сибирский архив» — публикации на основе неизвестных ранее архивных документов по различным аспектам взаимоотношений Монголии и России.

Сборник посвящен VIII заседанию российско-монгольской Комиссии по сотрудничеству в области архивов, состоявшемуся в г.Иркутске (август 2000).

Редакционная коллегия:

Шестакова Н. К. (ответственный редактор)

Шободоев Е. Б (ответственный секретарь)

Лобкова В. И.

Мартынова О. Б.

Составитель сборника,

ответственный за выпуск Шободоев Е. Б.

ББК Ч 814(2 Рос 5)

ISBN 5-93219-017-5

ISBN 5-93219-019-1 (Вып. 2)

© Архивное управление
Администрации Иркутской области, 2000

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ СИБИРИ

Н.Е. ЕДИНАРХОВА

ЯКОВ ПАРФЕНЬЕВИЧ ШИШМАРЕВ – РУССКИЙ КОНСУЛ В МОНГОЛИИ

Я.П.Шишмарев. кон. XIX в.

Об этом человеке писали очень мало. Чаще всего его имя упоминается в дневниках путешественников по Монголии, которые могли лично встречаться с ним, переписывались, пользовались его поддержкой. П.К.Козлов, известный русский путешественник конца XIX – начала XX вв., дал не только оценку его деятельности, но и привел некоторые биографические сведения. А вот профессора Томского университета М.И.Боголепов и М.Н.Соболев, посвятив целую главу своей книги консульству, даже не упо-

мянули его фамилии. Краткие сведения о Шишмареве есть в трудах многих российских монголоведов, но больше всех знает о нем Е.М.Даревская, которая по крупицам собирала сведения о Я.П.Шишмареве не только в архивах и опубликованных источниках, но и переписывалась с некоторыми его родственниками¹. А между тем Яков Парфеньевич Шишмарев почти 50 лет был русским консулом в Монголии, верой и правдой служил Отечеству. Вероятно, это единственный случай в мировой практике, когда один человек в одной и той же стране почти 50 лет состоял в должности консула.

Родился Я.П.Шишмарев 14 сентября 1833 г. в г.Троицко-савске Забайкальской области. По сведениям его родственников, его дед – чистокровный монгол, переселился в За-

¹ Единархова Нина Евгеньевна, доцент кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета ИГУ, кандидат исторических наук.

байкалье, где и женился на русской казачке. У отца, П.Я.-Шишмарева, родилось 24 ребенка, но выжило только 13. Парфений Яковлевич хорошо знал монгольский язык, служил переводчиком при кяхтинском пограничном комиссаре, неоднократно бывал в Урге (так называлась тогда столица Монголии - Н.Е.), сопровождал русских послов и курьеров, был там хорошо известен, что сыграло свою роль при отправке русского консульства в Монголию.

Первоначальное образование Яков получил в своем родном городе, окончив русско-монгольскую войсковую школу в 1849 г. Шестнадцати лет от роду он поступил на службу и до 1855 г. служил в разных местах, включая и канцелярию кяхтинского градоначальника, должность которого была учреждена в 1851 г. Кроме того, приходилось подрабатывать в одном из торговых домов Кяхты, чтобы помогать отцу содержать его большое семейство. Одновременно со службой Яков продолжал изучение восточных языков, тем более, что тогда в Кяхте для этого были условия. В частности, в городе существовала русско-китайская школа, заведовал которой и одновременно преподавал в ней маньчжурский и китайский языки К.Г.Крымский, командированный в Кяхту, центр русско-китайской торговли, МИДом. Он и стал учителем Шишмарева, которого предполагали назначить в число светских членов Пекинской духовной миссии².

Однако судьба распорядилась по-другому. На Я.П.Шишмарева обратил внимание генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н.Н.Муравьев, одержимый идеей возвращения Амура России. И с 1855 г. Яков Парфеньевич служит под его началом, принимая непосредственное участие в Амурских экспедициях и в переговорах во время заключения в 1858 г. Айгунского договора между Россией и Китаем, вернувшего левый берег Амура России. Эти переговоры стали для Я.П.-Шишмарева прекрасной школой, а его усердие, профессионализм были высоко оценены Н.Н.Муравьевым, который неоднократно ходатайствовал о награждении своего выдвиженца. За участие в решении Амурской проблемы Шишмарев был награжден темной бронзовой медалью на Андреевской ленте "В память войны 1853-1856 гг.", орденами Анны 3-ей степени, Владимира 4-ой степени и пожизненной пенсией по 500 руб серебром в год. Н.Н.Муравьев очень ценил

Шишмарева, доверял ему, давал весьма ответственные поручения, одним из которых было командирование его в Пекин в помощь Н.П.Игнатьеву, ведущему в 1860 г. сложные переговоры с китайскими чиновниками. Н.П.Игнатьев так же оценил его, представив к награде³. Результатом деятельности миссии Игнатьева стало подписание 2 ноября 1860 г. Дополнительного, или Пекинского, договора между Россией и Китаем, который предусматривал создание русского консульства в Урге. При обсуждении кандидатуры консула Н.Н.Муравьев остановился на В.Карпове, служившем когда-то на должности пограничного комиссара, хорошо знакомого и с правителями Монголии, и с состоянием дел в Урге. В письме на имя министра иностранных дел России он рекомендовал В.Карпова, принимавшего к тому же участие в согласовании статей Пекинского договора с маньчжурскими чиновниками, толковавшими эти статьи весьма своеобразно. Тем более, что Карпов сам просился на эту должность. Н.Н.Муравьев в своем письме А.М.Горчакову характеризовал его как человека, известного ему "отличными способностями и образованностью и пользующегося особенным доверием и уважением на границе"⁴. Но император Александр II назначил на эту должность адъютанта начальника штаба Его Высочества капитана Константина Николаевича Боборыкина, дворянина, героя Крымской войны, но человека со слабым здоровьем и не имевшего никакого представления о стране, где ему предстояло на должном уровне представлять Россию. А вот секретарем и драгоманом (переводчиком — Н.Е.) с припиской "временно", по настоянию Н.Н.Муравьева, назначили состоявшего при нем переводчиком с китайского и маньчжурского языков губернского секретаря Якова Парфеньевича Шишмарева, "временное" пребывание которого в Урге растянулось на полвека.

Посылая К.Н.Боборыкина в Ургу, император сказал ему: "Надеюсь, что ты постарайся поставить место консула в Урге на должную ступень высоты и придать этому посту необходимое значение"⁵. В инструкции министра иностранных дел А.М.Горчакова говорилось о том, что консульство должно внушать всем русским купцам в Урге "избегать всяких спорных дел, дабы на первых порах не породить препятствий развитию сухопутной торговли в тамошнем крае"⁶. Относи-

Русское консульство в г.Урге. нач XX в.

тельно же монголов рекомендовалось сохранять "самое дружественное обращение, стараясь вселять в них любовь к русским". Монголия тогда входила в состав огромной китайской империи, во главе которой стояла чужеродная маньчжурская династия Цин. И все вопросы русско-монгольских отношений решались в Пекине, что приносило в их развитие самые неожиданные проблемы. Осложнения начались с момента перехода границы. Дело в том, что в статье 5 Пекинского договора свита русского консула расплывчато определялась в "несколько человек". Маньчжурские чиновники считали, что пересечь границу могло не более 10, тогда как сопровождало К.Н.Боборыкина более 20 человек. Поэтому кяхтинскому пограничному комиссару пришлось прибегнуть к хитрости и переправлять русского консула и его свиту через границу партиями. Первыми Кяхту покинули трое казаков с грузом для консульства при караване купца Парамонова. Затем в Ургу выехал отец Я.П.Шишмарева, состоявший переводчиком при Деспоте-Зеновиче, с 5 казаками. Шишмарева-отца кяхтинский пограничный комиссар командировал в Ургу на 2-3 недели с тем, чтобы он помог освоиться в Урге и консулу, и секретарю Я.П.Шишмареву, который еще не в полном объеме представлял условия, в которых придется работать. П.Шишмарев был человеком опытным, хорошо знавшим все местные обычаи. Он должен был "составить в

глазах Ургинских правителей и чиновников выгодное мнение о достоинстве консула, чтобы правители были расположены к нему и не противодействовали"⁷. А своего сына он должен был познакомить со всеми лицами, с которыми ему придется постоянно общаться, указать кому можно доверять, кого остерегаться и вообще как действовать для того, чтобы дела консульства шли успешно. Ургинским правителям было сообщено, что П.Шишмарев послан с 2 служителями и 3 рабочими для приготовления помещений в подворье, отведенном русскому консулу, к приему его. Через несколько дней были отправлены сотник П.Рогалев и фельдшер И.Осипов с 6 казаками. Амбани были уведомлены, что П.Рогалев командирован в Ургу как человек, знающий строительную часть, для ремонта подворья. И только после всех этих приготовлений 2 июня 1861 г. из Кяхты отправились консул К.Н.Боборыкин, секретарь Я.П.Шишмарев, два служителя при консульстве и остальные 6 казаков.

В Урге русского консула и его свиту также ожидали не легкие дни. Маньчжурские правители Монголии вели себя надменно, демонстрировали показную важность, не захотели лично встретиться с К.Н.Боборыкиным. Они вообще не хотели менять сложившуюся практику взаимоотношений с кяхтинским пограничным комиссаром и не признавали полномочия русского консула. Поэтому было принято решение занять выжидательную позицию. Пришлось вести борьбу и за то, чтобы все население Монголии было ознакомлено с условиями Пекинского договора, отменившего запреты на проживание и торговлю русских в Монголии. Боборыкин на зиму уехал в Пекин, где прожил довольно долго, затем на некоторое время вернулся в Ургу, но вскоре покинул ее навсегда. Поэтому уже в 1861 г. Я.П.Шишмарев был назначен управляющим консульством, затем и.о.консула, консулом, а впоследствии стал и генеральным консулом России в Монголии. Именно на его плечи легла вся тяжесть работы по организации деятельности русского консульства в Урге. С течением времени Я.П.Шишмарев правильно понял и оценил поведение маньчжурских чиновников, а также и монгольских должностных лиц, придя к выводу о том, что "они смотрят со своей точки зрения, не удовлетворяющей европейца и идущей вразрез с нашими понятиями и взглядами"⁸. Шиш-

марев не написал слово "китаецентризм", но по сути имел в виду это явление. Европейские культурные нормы доминировали в российской дипломатии и зачастую переносились на отношения с маньчжурским Китаем, который жил в совершенно иной системе измерений. Понимание особенностей Китая и было, вероятно. Главной причиной того, что Я.П. Шишмарев умел ладить с властями Монголии. Несмотря на проверки, жалобы, доносы, он сохранял собственное достоинство и не оскорблял достоинства других.

Одной из основных задач, стоявших перед русским консулом в Монголии, было развитие русско-монгольской торговли. Русские товары были известны в Монголии, но купить их можно было только у китайских купцов, которых, по мнению Я.П. Шишмарева, в начале 60-х годов XIX в. в Монголии было более 10 тысяч⁹. Китайские купцы чувствовали себя свободно, уверенно, по-хозяйски: имели лавки, склады, помещения для жилья. Однако эти обстоятельства не испугали Шишмарева, он считал, что нет причин, которые могли бы препятствовать быстрому росту оборотов русско-монгольской торговли. По его мнению, русские для преодоления конкуренции китайских купцов должны были больше торговать в улусах, особенно отдаленных, хорошо изучить потребности монгольского населения и стараться удовлетворять их, устраивать ярмарки в известных местах, особенно в сентябре-октябре, когда монголы перед тем, как откочевать на зимние стойбища, закупают товары впрок. Но особенно большие надежды он возлагал на развитие торговли по Амуру, где собирался торговать с американскими купцами¹⁰. Сам по себе человек очень деятельный, как показывают документы, он к тому же был вдохновлен кипучей энергией Н.Н. Муравьева, его планами присоединения и освоения бассейна реки Амур. Поэтому и в Урге первые годы он смотрел, в основном, на торговлю в этом направлении. Он считал, что традиционные товары монгольского экспорта, а именно сало, масло, шерсть, скот в огромном количестве будут востребованы на необъятном рынке российского Дальнего Востока и могут выйти на рынки других государств. Для этого нужно, считал Шишмарев, как можно скорее открыть новые пути сообщения из Монголии на Амур. С этой целью в 1862 г. он отправил П. Рогалева, собиравшегося навестить своих род-

ственников в станице Абагайтуевской на Аргуни, именно этим, новым путем, поручив собирать по дороге самые разные сведения: от природных условий до отношения монгольских властей к русским. А в 1863 г. направил по этому же пути небольшой торговый караван. Путь этот был признан долгим и неудобным, поэтому в 1864 г. уже сам Я.П.Шишмарев, по поручению Сибирского отдела РГО, проехал из Урги до Верхнеульхунского караула на реке Онон, отметив в отчете, что дорога удобная, гладкая, много воды и травы. По ней свободно могут ходить караваны с товаром на телегах¹¹. В этой поездке его сопровождал топограф Доржигаров, который и составил одну из первых карт Восточной Монголии, сделанных профессионалом¹². Кроме того, в числе нескольких скромных экспедиций, предпринятых консульством для ознакомления с Монголией, была одна и в район озера Далай, что находится в непосредственной близости от Забайкалья. В ходе поездки район озера изучался как рынок сбыта русских товаров, были переданы письма местным ванам и проведены переговоры с ними об устранении препятствий для русской торговли в этом районе Монголии, ибо это было выгодно самим монголам. И ваны, и простые монголы живо откликнулись на предложение русских, ваны послали ответные письма, этим все и закончилось¹³. Если же русские селились на территории Восточной Монголии, сеяли хлеб, строили дома, приходили солдаты, все уничтожали, а жителей отправляли в Россию. Скорее всего, это было связано с тем, что в конце XIX — начале XX вв. шла усиленная колонизация земель Восточной Монголии, находящихся в непосредственной близости к Маньчжурии, родине династии Цин. Чтобы скрыть принудительный характер этого процесса, непопулярного в монгольском народе, было высказано пожелание цинского правительства о приобщении монголов к земледелию с целью расширения источников их существования¹⁴. И русские могли быть просто помехой в деле колонизации. Поэтому дальше торговли на границе дело здесь не пошло, несмотря на все старания Я.П.Шишмарева.

В Ургу первые русские купцы прибыли вместе с консульством в 1861 г. Их деятельность встретила сопротивление властей, которые запретили местным жителям сдавать русским купцам в найм лавки и дворы, а тех, кто это делал, били

бамбуковыми палками и штрафовали. Поэтому купцы стали селиться в одном подворье с консульством. Монголам запрещалось делать у них покупки.

Поскольку торговля в Урге не шла, один из приехавших купцов собрался отправиться по улусам, но власти запретили. Тогда он решил поехать в окрестности Урги, приготовил товары, нанял возчиков из монголов, но ему опять не разрешили. Купец заявил, что разрешения ему и не требуется, т.к. есть статьи договора. Но на другой день отказались ехать возчики-монголы, возвратя задаток. За ними последовали и местные рабочие, помогавшие снаряжать караван. Купец отказался настойчивым человеком, поэтому он купил волов, нанял русских работников консульства в проводники, для охраны взял двоих казаков из консульской команды. В день отправления выяснилось, что собралось около 200 монголов, чтобы помешать отправлению каравана, и еще 100 человек ожидали его в китайском пригороде Маймачене, мимо которого должен был проследовать караван. Однако решительность русского купца оказалась сильнее. Озадаченный маньчжурский правитель отменил свои приказания, но сделал распоряжение, чтобы по пути следования каравана монголы не имели с купцом никаких дел и ничего у него не покупали. Караван сходил туда и обратно, не торгуя. Об этом эпизоде можно было бы и не говорить, но он имел серьезные последствия. Поступок русского купца произвел на монголов большое впечатление: они увидели, что маньчжурам можно не подчиняться безропотно, что их можно ослушаться. Я.П.Шишмарев слышал, как они рассуждали меж собой: "это, верно, не с монголами иметь дело"¹⁵.

Кроме самой Урги, русские оседали и в других районах Монголии. На ее границе с Минусинским краем еще до 1860 г. каждой весной, когда монголы приезжали инспектировать границу, в течение десяти дней шумела ярмарка. Поэтому сразу же после подписания Пекинского договора на территорию Западной Монголии двинулись русские торговцы. Здешнее население жило зажиточно, процветало скотоводство, край изобиловал пушниной, некоторые занимались хлебопашеством. Русских встретили недружелюбно. Часто они сами давали повод, самовольно захватывая земли, дерзко обращаясь с местными жителями, обманывая в расчетах,

покупая краденый скот и отказываясь вернуть его хозяину, даже если он доказывал свое право на него. А за свой украденный скот они забирали такое же количество у первого встречного монгола. Местные жители отвечали тем, что грабили русские караваны. После того, как был ограблен караван купца Веселкова, консульство потребовало расследования, возмещения убытков и наказания виновных. В результате довольно большая денежная сумма была взыскана со всего общества, что, по словам Я.П.Шипмарева, было мерой не совсем справедливой, но необходимой¹⁶. Правда, выплата долга была рассрочена на три года. Грабежи и насилие по отношению к русским прекратились, но в целом обстановка в этом крае оставалась сложной и в последующие годы. Ни в одном другом районе Монголии к русским не относились так плохо, как в землях, граничащих с Минусинским краем. В 1878 г. местные жители еще раз открыто проявили враждебность к русским, отобрав у них скот, как незаконно приобретенный, проще говоря, краденый. Разбирательство длилось несколько лет и с трудом было завершено. Для расследования серьезных случаев на границе встречались представители маньчжурских властей из Улясутая и русских — из Иркутска. В 80-е гг. XIX в. такие съезды стали ежегодными, т.к. они были выгодны маньчжурским чиновникам, безбожно обиравшим население края за свое участие в решении спорных вопросов.

Не было особого взаимопонимания и на границе Кобдоского и Бийского округов, где тоже торговали еще до Пекинского договора, причем давали друг другу в долг. В первые годы после подписания трактата такая практика сохранялась. Однако многие не возвращали долги, поэтому возникло много спорных дел, разбираться с которыми пришлось в течение двух лет. Из должников-монголов многие разъехались, некоторые умерли, часть обеднела или отдала товары опять-таки в долг своим же собратьям, которые теперь не признавали их и отказывались платить. Ко всему прочему, многие монголы называли на караулах не свои имена, а клички и найти их было невозможно. Русские торговцы — должники монголов, тоже за это время кто разорился, кто умер, поэтому и разбирались так долго¹⁷.

В условиях бездорожья, почти полного отсутствия связи Я.П.Шишмарев стремился навести элементарный порядок в русско-монгольской торговле. В этом ему помогали торговые старшины, которых он обязал подавать ежегодные сведения о ходе торговли. На основании этих сведений он составлял ежегодные отчеты на имя генерал-губернатора Восточной Сибири и в Азиатский департамент МИДа. Наблюдая за динамикой русско-монгольской торговли, он вносил предложения по ее реорганизации, росту товарооборота. Он постоянно отстаивал интересы русской торговли в Монголии перед маньчжурскими чиновниками и китайскими купцами. Благодаря его неустанным заботам русско-монгольская торговля выросла с 218 168 руб. в 1861 г. до 1 642 468 руб. в 1885 г.¹⁸. Не случайно его деятельность на этот поприще была высоко оценена русскими путешественниками. Г.Н.Потанин, П.К.Козлов считали, что "главная заслуга Я.П.Шишмарева перед Россией заключается в его служении интересам русской торговли в Монголии, оберегать которые ему суждено было в течение столь многих лет"¹⁹. Были, конечно, и другие суждения. Уже упоминавшиеся профессора Томского университета Боголепов и Соболев считали, что "русские консульства ... вряд ли могут быть полезны русской внешней торговле", тем более в Монголии, где консул "должен был охватывать своими действиями и влиянием колоссальный район", поэтому, пишут они, "русско-монгольская торговля, можно смело сказать, развивалась без консульского надзора"²⁰. Эта оценка в корне неверна. То-ли усталость от тяжелого путешествия по Монголии, то-ли краткосрочность пребывания там, то-ли снобизм не позволили им увидеть и оценить все, что сделал Я.П.Шишмарев для русско-монгольской торговли.

Зависимая от маньчжурского Китая Монголия долгое время была закрыта для русских, поэтому они не знали ее, хотя и соседствовали на протяжении XVII-XIX вв. И Яков Парфеньевич Шишмарев стал одним из первых, кто изучал ее, в том числе и в географическом отношении. В Сибирский отдел Императорского Русского географического общества он представил две составленные им карты: всей Монголии и Цэцэн-ханского аймака. Основанием для составления карты общих владений князей Халхи (Северная Монголия —

Н.Е.) послужила карта американца Уильямса, лучшая из известных тогда карт китайской империи. С нее были взяты несколько пунктов на территории Монголии в качестве постоянных точек, к которым и привязывались наносимые на карту Шишмарева места. Так, было уточнено место обитания дархат. В аймаке Цэцэн-хана ему было известно расположение стоянок всех князей, что позволило на карте разделить территорию аймака на хошуны (уезды). Был исправлен исток реки Керулен, уточнен исток реки Селенги: на некоторых русских картах эта река вытекала из озера Косогол (Хубсугул). Река, показываемая на многих русских картах вытекающей из озера Далай, на самом деле в него впадала²¹. К сожалению, обнаружить эти карты не удалось. Вероятно, они погибли во время пожара 1879 г. Кроме того, он первым сообщил о существовании снежных вершин в Хангае и в Восточном, или Монгольском, Алтае. Его путевые заметки о Керулене долгое время были единственным источником для знакомства с этим районом Северной Монголии. Его заслуги в области изучения географии этой страны признавали даже профессиональные путешественники²².

Интересовала его и история Монголии, отраженная в песнях, легендах, неоднократно слышанных от монголов. Чаще всего в них воспевалось далекое, но великое прошлое страны, могущественная империя Чингизхана, наполненная драматизмом борьба между халхасскими и ойратскими князьями (Западная Монголия в XVII в. — Н.Е.).

В 1688 г. ойратский князь Галдан-хан решил поддержать своего родственника Дзасакту-хана в его давнишнем споре с Тушету-ханом из-за невозвращенных пленных подданных. Однако в сражении с Тушету-ханом ойраты потерпели поражение. Разгневанный таким ходом событий Галдан-хан направил 30-тысячную армию на Халху. В легенде, слышанной Я.П.Шишмаревым, говорится, что войско олютов (ойратов — Н.Е.) шло по направлению к кумирне Эрдэни-Дзу, что на левом берегу реки Орхон, уничтожая на своем пути все монгольское население. В это время в кумирне стоял бурхан Гомбо-гуру, существовавший, по словам Шишмарева, и в середине XIX в. Когда олюты приблизились к кумирне, говорится в легенде, каменная собака, стоявшая у ее ворот, залаяла, а когда воины олютов, войдя в кумирню, пытались

пиками вытащить большой рубин, закрепленный у Гомбогуру во лбу, то "он зашевелился и поднял находившийся у него в руках меч. Войско в испуге пришло в смятение, и солдаты начали бить друг друга; вслед за тем поднялась вода в реке Орхон и затопила большую часть войска; остались немногие, но и те были истреблены или взяты в плен халхасцами и высланными им на помощь войсками богдыхана". В легенде говорится о том, что маньчжурский император "положил реке Орхон жалованье в 300 лян. И серебро это до сих пор ежегодно бросается в реку"²³. Пленные же олюты были расселены по рекам Селенге, Орхону и т.д.

В этой легенде отражены события многих лет. Войны ойратов с Халхой продолжались длительное время и шли с переменным успехом. Монастырь Эрдэни-Дзу действительно был взят ойратами в 1688 г. И сражение на реке Орхон сыграло свою роль в подчинении Халхи маньчжурам: оно стало одной из его причин. Халхасские феодалы, напуганные поражением, стали более сговорчивыми. Так что было за что маньчжурскому императору платить жалованье этой реке. Военная же помощь Цинов, пленение ойратов — это события более позднего времени²⁴.

Глубокий след в сознании монголов оставила попытка всех князей Халхи свергнуть маньчжурское господство и поставить во главе Монголии Цынгуджан-вана, известного в народе под именем Шадар-вана. Я.П.Шишмарев в своих статьях дважды обращался к этому сюжету. Правда, время выступления Шадар-вана он относит ко времени правления цинского императора Канси (первая четверть XVIII в.)²⁵. Это ошибка. Попытка восстания под руководством Шадар-вана была предпринята в 1755 г. Успеху выступления помешало предательство одного из участников заговора. Шадар-ван был казнен в Пекине мучительной смертью, а вместе с ним и его два сына.

Довольно подробно Я.П.Шишмарев описал систему управления Монголии маньчжурами и ее административное устройство. Самой большой административной единицей Монголии был аймак. Всего их было четыре. Два восточных аймака (Тушету и Цэцэн — Н.Е.) имели центр управления в Урге, а два западных (Дзасакту и Сайн-ноён — в Улясутае. Во главе первых двух стояли два амбаня — чиновника (мань-

чжур и монгол), управление двух западных находилось в руках цзяньцзюня (военный губернатор — Н.Е.), при котором по гражданской части состояли в виде советников опять же два амбаня (маньчжур и монгол). Улясутайский цзяньцзюнь ведал и гражданской, и военной стороной, причем последней — во всей Халхе.

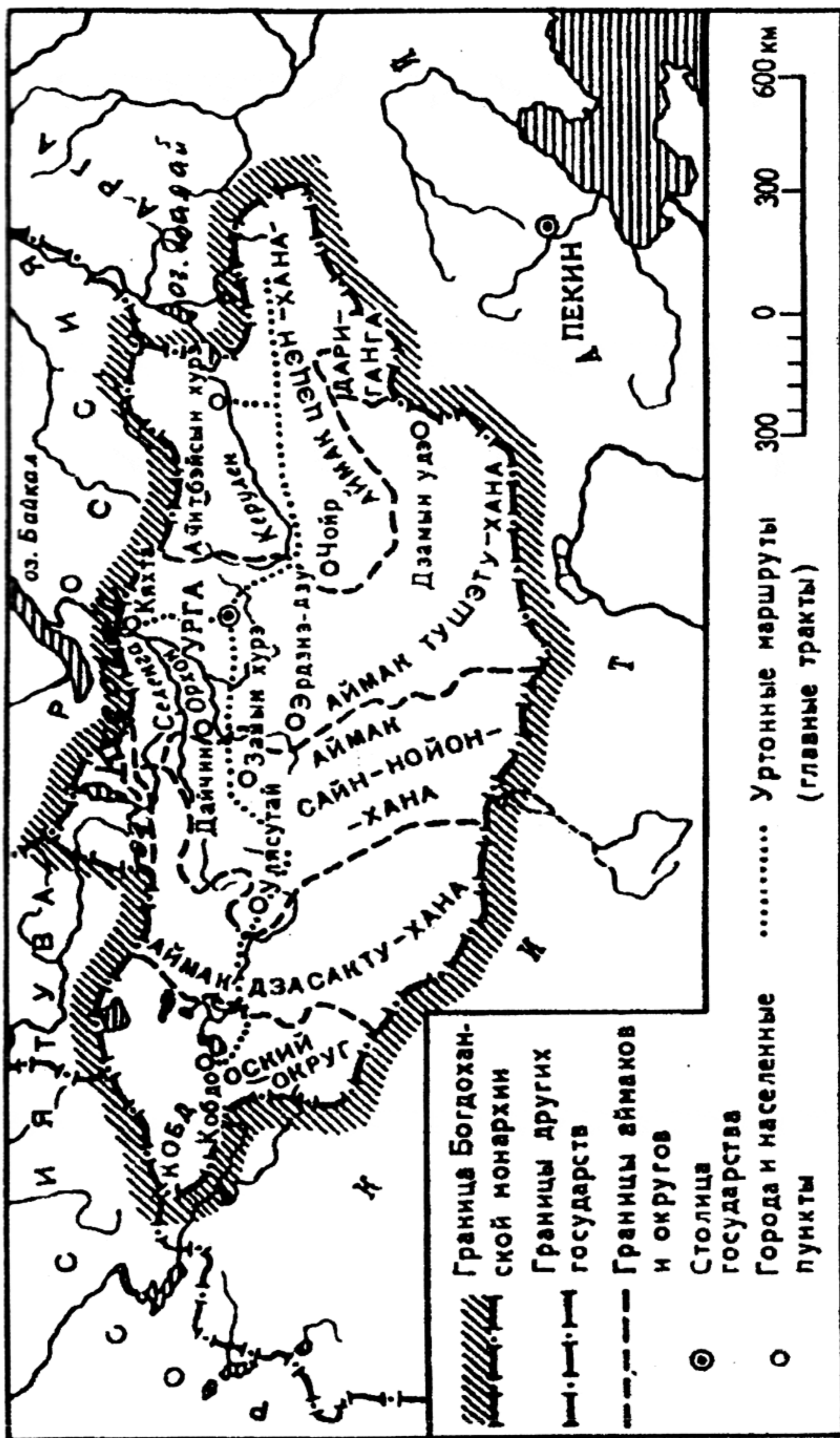
Второй по величине административной единицей был хошун. По данным Я.П.Шишмарева, в состав Тушету-ханского аймака входило 20 хошунов, Цэцэн-ханского — 23, Дзасакту-ханского — 19, Сайн-ноёнского — 24, всего — 86. Число хошунов в Монголии было различным. После завоевания ее маньчжурами их было утверждено 34, а последующая политика дробления хошунов привела к тому, что в 1765 г. на территории Халхи их стало 86. В этом дроблении Я.П.Шишмарев усматривал политику экономического ослабления страны: "От такого дробления — бедность населения в хошунах. Например, около Урги находится хошун Гун-даши-дорчжи, в котором насчитывается не более 40 юрт и 200 душ мужского пола. А что могут дать эти 40 кибиток?"²⁶. Управляли хошунами наследственные князья, которые также довольно подробно описаны Шишмаревым²⁷. Одну из своих статей Я.П.Шишмарев посвятил ургинскому хутухте Ундургэгэну (высокий святитель — Н.Е.), с именем которого связано распространение ламаизма в Монголии в XVII в. Во-первых, он перевел большое количество священных книг с санскрита и тибетского языков на монгольский, а, во-вторых, изобрел особую азбуку, состоявшую из 97 букв для того, чтобы легче передавать имена собственные и непереводаемые слова. Кроме того, составил правила религиозных обрядов, которыми в Монголии руководствовались и в XIX в. в делах как религиозных, так и нравственных²⁸. Однако некоторые стороны жизни и деятельности ламаистского духовенства вызывали у Шишмарева негативное отношение. Так, например, он считал, что ламаизм влияет на сокращение населения страны. Одной из причин этого процесса он считал обет безбрачия, который давали посвящаемые в ламы.

Этнический вопрос также нашел свое отражение в научной деятельности Я.П.Шишмарева. Ведь под общим названием "монголы" на территории от Великой китайской стены на юге до границ с Россией на севере и от маньчжурско-

го ведомства на востоке до границ Восточного Туркестана на западе проживали различные племенные группы. В частности, в западных районах Монголии XIX в. проживали дархаты, или урянхи, которых называли еще и сойотами. В начале своей деятельности он считал, что это две разные группы населения. А в 1871 г. Шишмарев опубликовал статью, из которой следует, что это представители одной племенной группы, а дархатами (свободными — Н.Е.) их стали называть после подавления выступления Шадар-вана за услуги, которые они оказали маньчжурскому дому в его разгроме. В этой же статье он описал их одежду, обычаи, повинности, управление, придя к выводу, что они похожи на забайкальских бурят²⁹. Вопрос о дархатах-урянхах оставался спорным и в начале XX в., хотя авторы и признавали, что Шишмарев дал наиболее полное описание их³⁰.

Говоря о численности населения Монголии, он называл цифру по Халхе в 500 тыс. человек. Вероятно, это соответствовало действительности, но обращал внимание на неравномерное распределение населения страны по хошунам. Были хошуны, где проживало до 30 тыс. человек, но были и такие, что насчитывали, как уже отмечалось, всего 200 человек³¹.

Особое значение Я.П.Шишмарев придавал народным праздникам Монголии. В первую очередь потому, что в Ургу на праздники съезжались все князья страны и можно было, пользуясь моментом, знакомиться с ними, говорить о делах, торговле, политике России в отношении Монголии. А потом уже наслаждаться играми, скачками, борьбой. Не удивительно поэтому, что одна из первых статей Я.П.Шишмарева так и называется "Народный праздник в Монголии надам долон-хошуний или праздник семи родов". Она была опубликована в 1863 г. в газете "Северная пчела", а отдельный оттиск ее бережно хранится в библиотеке Иркутского краеведческого музея. Это был главный праздник Монголии. Проводился он раз в три года в честь хутухты. Праздник отличался большой роскошью. Борцов, стрелков из лука (конных и пеших) собиралось до 4 тыс., скаковых лошадей — до 2 тыс. Ханы старались перещеголять друг друга скакунами, стрелками, борцами. Не только князья и ламы, но каждый зажиточный монгол считал делом чести побывать на празднике. Урга оживлялась, становилась многолюдной, население ее возра-

Карта Монголии. нач. XX в.

стало до 200 тыс. человек (в обычные годы население Халхи, по данным того же Шишмарева, не превышало 10 тыс. чел. — Н.Е.). Вся долина на протяжении 10-12 верст вокруг столицы покрывалась белыми и цветными юртами и палатками, что необыкновенно радовало глаз и создавало праздничное настроение³².

Есть в статьях Я.П.Шишмарева сведения о выборе невесты, о свадьбах замечание о том, что женятся монголы рано, лет 16, но размеры данной статьи не позволяют приводить подробные сведения и цитаты.

Маньчжурское влияние, писал Я.П.Шишмарев, сказывалось даже на одежде монголов. Все население Халхи носило халаты маньчжурского покроя с воротником; на ногах — сапоги из коровьей кожи с толстыми подошвами и войлочные чулки. Сапоги и по форме, и по производству — китайские, шились, в основном, в мастерских Калгана из монгольской кожи, обработанной в России, все на один размер и фасон, что для мужчин, то и для женщин. Костюм женщины отличался от мужского отсутствием пояса у халата, разноцветными рукавами. На голове женщины носили украшения из кораллов, серебра и русских серебряных монет. Одежда девушек не отличалась от женской ничем, кроме цвета. Незамужние монголки предпочитали пунцовый и голубой цвета³³.

Принято считать, что монголы питались, прежде всего, мясом. Оказывается, летом основным продуктом питания монгола было молоко и изделия из него. Небезынтересно перечислить весь ассортимент изделий из молока:

урум — пенки с кипяченого молока, засушенные на огне; они заменяли монголам хлеб, употреблялись в пищу только богатыми;

тарак — квашеное молоко;

арца — творог;

харут — сыр, прессованное кислое молоко;

хаймак — в свежее молоко влило горячее кислое;

эдзэгэй — в кипящее свежее молоко влило кислое;

цага — гуща, оставшаяся после перегонки вина;

айрак — остатки от сбитого масла;

айруль — сушеный эдзэгэй и т.д.³⁴.

Рыбу, которой в реках и озерах Монголии было великое множество, монголы вообще не употребляли в пищу, презри-

тельно называя ее "водяным червяком". Очень много монголы пили чая, особенно любили заваривать кирпичный чай, который первыми стали производить опять же русские на своих чайных фабриках в Китае.

Я.П.Шишмарев считал монголов народом кротким, но хитроватым. Он подметил также, что поведение их зависит от присутствия маньчжур. Если они рядом, монголы вялы и молчаливы, если их нет, они весьма общительны и разговорчивы³⁵.

Две-три статьи Шишмарева были посвящены вопросам русско-монгольской торговли. Они были написаны в самом начале его деятельности и представляли собой копии отчетов в Азиатский департамент МИДа и генерал-губернатору Восточной Сибири. Опубликованы они не были, кроме как в Отчетах Сибирского отдела РГО передавалось их содержание. За долгое время работы по проблемам русско-китайских и русско-монгольских отношений встречалось и название "Записка д.с.с. Шишмарева. 28 февраля 1886 г. о русско-китайской торговле", но найти какие-либо исходные данные или ссылки на ее содержание так и не удалось. Всего, по нашим подсчетам, Я.П.Шишмарев написал 9 статей. Почти все его опубликованные статьи появились на страницах изданий СОРГО, с которым он тесно сотрудничал и его заслуги были Отделом высоко оценены: в 1863 г. он стал сочленом Сибирского отдела, а в 1865 г. был награжден серебряной медалью³⁶.

Конечно, некоторые его предложения о развитии торговли были неосуществимы, представления иногда наивны, а приводимые факты ошибочны, но его статьи внесли существенный вклад в ознакомление не только сибирской, но и российской общественности с нашей ближайшей соседкой — Монголией. Для историков они стали прекрасным источником. А недостатки свои он и сам со временем увидел и в конце своей жизни написал о Монголии целую книгу, которая, к великому сожалению, так и не вышла, т.к. в 1938 г. она была уничтожена родственниками, боявшимися, как и многие тогда, вероятного обвинения в связях с какой-нибудь разведкой³⁷.

Монголию Я.П.Шишмарев знал и любил, с большим сочувствием относился к ее положению в рамках китайской империи. В одном из своих отчетов (за 1885 г. — Н.Е.) он с

грустью констатирует, что "Халха, да и вся Монголия, обеднела: бескормица в течение нескольких лет, холодные зимы, падеж скота. И раньше так бывало, но восстанавливалось благополучие, как только миновали невзгоды"³⁸. Теперь же причиной углубляющегося экономического упадка он считает возрастающую эксплуатацию страны с введением все новых и новых налогов верблюдами, лошадьми, скотом, серебром. Другой причиной упадка он называет все увеличивающиеся расходы на содержание маньчжурской администрации в Монголии, которое определялось количеством голов скота, но чиновники требовали платить деньгами, что приводило к еще большим расходам со стороны монголов. По его подсчетам, содержание одного амбана обходилось до 40 тыс. в пересчете на русские рубли (а правительство Китая платило им по 1 200 руб. в год). Пропорционально этому получали и остальные маньчжурские чиновники. Понятно, что такой порядок начинал вызывать ропот среди населения Монголии³⁹.

Появление русских в Монголии остро поставило проблему языкового барьера. Нельзя сказать, что монгольского языка вообще никто не знал: разговорный язык понимали нерчинские и приаргунские казаки; в Урге, Кяхте, Троицкосавске, в Западной Монголии тоже были свои знатоки. В Бийске, например, куда на зиму съезжалось большое количество местных купцов, разговоры в обществе порой велись на монгольском языке. Письменной же речью владели немногие. Монголы, общаясь с русскими, тоже осваивали разговорный язык, но здесь случались и курьезы — некоторые купцы из озорства учили их русскому мату. Накопленных знаний в языке было недостаточно для успешного общения при все расширяющихся контактах между русскими и монголами. Острую необходимость в переводчиках ощутил еще первый консул К.Н.Боборыкин. Ежедневно надо было решать текущие вопросы, общаться с чиновниками, отвечать на жалобы или выслушивать просьбы. Я.П.Шишмареву, знавшему, кроме китайского, маньчжурский и монгольский языки, все же было трудно нести эту нагрузку: кроме функций переводчика, он исполнял еще и обязанности секретаря консульства. В 1861 г. в Ургу был направлен Найдан Гомбаев из Селенгинска, который сам попросился туда в письме на имя генерал-

губернатора Восточной Сибири М.С.Корсакова: "Зная хорошо монгольский язык как в разговорном, так и в книжном отношении, имею честь обратиться с просьбой прикомандировать меня в Ургу при консульстве. Сверх этого имело сильное желание изучить маньчжурский язык, так необходимый в настоящее время и быть полезным краю"⁴⁰. В Урге Н.Гомбаев пробыл до января 1863 г., когда был переведен на Амур, где потребность в переводчиках ощущалась не менее остро. А Шишмарев приступил к созданию школы переводчиков и в 1864 г. в Ургу прибыли первые четыре ученика, что положило начало известной ургинской школе толмачей, которая просуществовала 56 лет и подготовила более сотни специалистов⁴¹.

Много сил и времени отнимали бытовые неурядицы. Подворье, где разместились русский консул и его свита, было в ужасном состоянии: в помещении не было окон и дверей, потолок и одна стена были бумажными, печи не топились. Это и стало, кстати говоря, причиной отъезда К.Н.Боборыкина на зиму в Пекин. А на плечи Якова Парфеньевича легли заботы сначала о ремонте отведенного помещения, а затем и о постройке консульского дома. Отпущенных денег не хватало: дорожал лес, кирпич был плохого качества и печь пришлось перекладывать, поэтому строительство дома затянулось до 1867 г., когда консульский дом (см. снимок) принял своих жильцов. Он же был инициатором и организатором строительства в Урге русской православной церкви. Сложным было и материальное положение. К.Н.Боборыкин получал жалованье в 5000 руб. (дворянин, все-таки), а Я.П.Шишмареву, знавшему три труднейших языка, платили по 3500 руб., плюс пенсию в 500 руб., выхлопотанную ему еще Н.Н.Муравьевым. В 1866 г. кяхтинское купечество "отказалось производить пенсию", сославшись на отсутствие свидетельства "моего начальства на право получения этого пенсионера", писал Шишмарев генерал-губернатору⁴². В 1864г. Яков Парфеньевич женился. Его жена, Мария Николаевна, уроженка Кяхты, жила с ним в Урге. В семье было шестеро детей: четыре сына и две дочери. В связи с ухудшением экономического положения Монголии в стране развивалась инфляция, приходилось отказывать не только себе, но и детям, буквально во всем. К тому же подошло время давать де-

тям образование. Поэтому семья переезжает в Санкт-Петербург, где проживает в большой, хорошей квартире. А Яков Парфеньевич живет и работает в Монголии. Раз в пять лет он получает годовой отпуск, который и проводит с семьей. Шли годы, накапливалась усталость. В 1904 г. в Иркутске стали говорить о том, что Шишмарев оставляет службу⁴³. Но оставить ее пришлось только в 1911 г., когда ему было уже 78 лет!

Умер Яков Парфеньевич в Санкт-Петербурге в 1915 г., 18 января.

За годы своей службы он стал первоклассным дипломатом, организатором, проявил себя как ученый. Он сделал все, что было в его силах, для развития русско-монгольской торговли. Его заслуги в области развития русско-монгольских отношений были высоко оценены в Монголии. Ургинский хутухта подарил ему дачное местечко Сонгино под Ургой, а также чашу из сандалового дерева. Получение такого подарка иноверцем — чуть ли не единственный случай в истории монголо-буддийской духовной обрядности⁴⁴. Но, пожалуй, самое главное его достижение заключается в том, что именно благодаря его деятельности монголы сохранили доброе отношение к русским.

Примечания:

1. Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хато. — М., 1947. — С.38-43; Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. — Томск, 1911; Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX в. — Омск, 1994. — Сс.118-119, 132-134 и т.д.

2. Даревская Е.М. Указ.соч. — С.133.

3. Козлов П.К. Указ. Соч. — С.39.

4. Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО), ф.24, оп.11/2, ед.хр. д.20/9, л.1-2.

5. ГАИО, ф.24, оп.11/3, ед.хр.121, л.7.

6. ГАИО, ф.24, оп.11/2, ед.хр.20/9, л.10.

7. Там же, л.54-55.

8. ГАИО, ф.24, оп.11/3, ед.хр.121, л.15.

9. ГАИО, ф.24, оп.7, к.1843, ед.хр.1298, л.2.

10. Там же, л.3.

11. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф.292, оп.732, ед.хр.1, л.17.
12. Шишмарев Я.П. Поездка от города Урги на реку Онон // Зап. /СОРГО, кн.8. – Иркутск, 1865. – С.138-148.
13. ГАИО, ф.24, оп.11/3, ед.хр.121, л.23.
14. Единархова Н.Е. КВЖД и китайская колонизация Монголии и Маньчжурии // Россия и Восток: взгляд из Сибири. – Иркутск, 1998. – Т.II. – С.263.
15. ГАИО, ф.24, оп.11/3, ед.хр.121, л.13.
16. Там же, л.30.
17. Там же, л.34.
18. Там же, л.46.
19. Козлов П.К. Указ.соч. – С.39.
20. Боголепов М.И., Соболев М.Н. Указ.соч. – С.393-395.
21. Отчет о действиях СОРГО за 1864 г. – СПб., 1865. – С.23-25.
22. Козлов П.К. Указ.соч. – С.38-40.
23. Шишмарев Я.П. Сведения о халхасских владениях // Изв. /СОРГО. – Иркутск, 1864. – Кн.7, ч.1. – С.67-68.
24. Горохова Г.С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства. – М., 1980. – С.21.
25. Шишмарев Я.П. Сведения о халхасских... - С.72.
26. Там же. – С.56-57.
27. Там же. – С.61-62.
28. Отчет о действиях СОРГО за 1864 г. – СПб., 1865. – С.22.
29. Шишмарев Я.П. Сведения о дархатах-урянхах ведомства Ургинского хутухты // Изв. /СОРГО. – Иркутск, 1871. – Т.2, № 3. – С.38-43.
30. Котвич В. Предисловие к статье Б.В.Долбежева "Дархайский округ"; Долбежев Б.В. Дархайский округ // Тр. /Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. – СПб., 1911. – Т.ХII, вып.1,2 и последний.
31. Шишмарев Я.П. Сведения о халхасских... - С.68.
32. Северная пчела – 1863 - № 7; ГАИО, ф.24, оп.11/3, ед.хр.119, л.1-6.
33. Шишмарев Я.П. Сведения о халхасских... - С.83-84.
34. Там же. – С.84-85.
35. Там же. – С.78.

36. Отчет о действиях Сибирского отдела РГО за 1865 г. — Спб., 1865. — С.64.
37. Даревская Е.М. Указ.соч. — С.378.
38. ГАИО, ф.24, оп.11/3, ед.хр.119, л.6-8.
39. Там же.
40. ГАИО, ф.24, оп.11/2, ед.хр.20, л.52.
41. Даревская Е.М. Указ.соч. — С.138-142.
42. ГАИО, ф.24, оп.11/2, ед.хр.22, л.124.
43. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902-1914 гг. — Иркутск, 1994. — С.37.
44. Даревская Е.М. Указ.соч. — С.134.

А.Н.ГАРАЩЕНКО

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА РУССКОГО КОНСУЛЬСТВА В УРГЕ 1861-1866 гг.

29 апреля 1861 г. исполняющий должность генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-майор М.С.Корсаков предписал губернатору Забайкальской области отправить в Кяхту в распоряжение русского консула в Урге подполковника К.Н.Боборыкина¹ зауряд сотника Дмитрия Рогалева, архитектора Забайкальского областного правления, "для осмотра и поправки дома, назначенного для помещения консульства...". В это время консульство временно размещалось в принадлежавшем китайцам казенном здании, состояние которого было до того ветхим, "что в летнее даже время оно не предохраняет от сурового тамошнего климата"². Оно представляло собой несколько отдельных небольших сырых помещений с обрушившимися потолками, разбитыми окнами, грудой грязи, без мебели и удобств. Дом этот служил подворьем для приезжающих в Ургу русских и китайских чиновников.

Место для строительства консульства было выбрано возвращавшимся из Пекина, после заключения в 1860 г. договора, генерал-адъютантом Н.П.Игнатьевым. Оно располагалось

¹ Гаращенко Алексей Николаевич, зав. издательским отделом Центра по сохранению историко-культурного наследия.